

Библиографический список

1. Бойченко, Т.В. Дискурс-анализ как средство реконструкции глубинных культурных констант (на материале гендерного дискурса) / Т.В. Бойченко // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6. С. 122–126.
2. Горина, Е.В. Интернет – это виртуальный дискурс: к вопросу о терминах / Е.В. Горина, Э.А. Лазарева // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 21–23.
3. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 26–38.
4. Король и Шут [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Король_и_Шут. – Дата доступа: 30.01.2022.
5. Кронгауз, М.А. Мем в русскоязычном Интернете: опыт деконструкции / М.А. Кронгауз // Русский язык и новые технологии. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 87–95.
6. Мамонова, Н.В. Медиадискурс как глобальное коммуникативное пространство / Н.В. Мамонова // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 68–74.

УДК: 821.161.1

ОБРАЗ УСАДЬБЫ В РУССКОМ ТЕКСТЕ

Л.Б. Карпенко

г. Самара, Российская Федерация

В статье анализируются содержательная структура и языковые средства создания образа усадьбы в русскоязычном тексте на материале художественной и мемуарной литературы. По Национальному корпусу русского языка, русской художественной и мемуарной литературе проанализированы тексты разных временных периодов, в которых выявлены описания усадьбы. В работе использован комплексный подход, сочетающий элементы этимологического, структурно-семантического, контекстуального анализа. В исследовании сделан вывод, что концептуальное ядро образа усадьбы сохранилось от древнейших времен: усадьба – это место освоенного мира, обитель. Этому значению соответствует и образ усадьбы в воспоминаниях русских писателей и мемуаристов. Реминисцентный текст XIX–XX вв. позволяет проследить актуализируемые смысловые доминанты: трансформацию образа усадьбы на протяжении двух столетий, изменение представлений о порядке вещей в мире, разрушение идеального образа обители. Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении динамики развития образа усадьбы в русском художественном тексте и индивидуально-авторских семантических приращений, а также в систематизации языковых средств создания образа усадьбы.

Ключевые слова: образ, содержательная структура, трансформация, художественный текст, реминисцентный текст, средства выразительности.

THE IMAGE OF THE HOMESTEAD IN A RUSSIAN TEXT

L.B. Karpenko

Samara, Russian Federation

The article deals with the analysis of the content structure and linguistic means of creating the image of an estate in the Russian-language text on the material of fiction and memoirs. Texts of different time periods, in which descriptions of manor houses were identified, were analyzed using the National Corpus of the Russian language, Russian fiction and memoirs. A complex approach combining elements of etymological, structural-semantic and contextual analysis was used in the work. The results of the study lead to the conclusion that the conceptual kernel of the image of a manor has been preserved from ancient times: a manor is a place of the mastered world, a dwelling. The image of an estate in the memoirs of Russian writers and memoirists corresponds to this meaning. The reminiscence text of the 19th-20th centuries allows to trace the actualized semantic dominants: transformation of the image of an estate during two centuries, changes in ideas about the order of things in the world and destruction of the ideal image of an abode. Theoretical significance of the research lies in discovering the dynamics of the development of the image of the estate in the Russian fiction text and individual author's semantic additions as well as in systematization of linguistic means of creation of the image of the estate.

Key words: image, content structure, transformation, fiction text, reminiscence text, means of expression.

Введение. Усадьбы в истории России служили центрами формирования русской культуры: Михайловское и Болдино – усадьбы А.С. Пушкина; Тарханы – усадьба М.Ю. Лермонтова; Ясная Поляна – усадьба Л.Н. Толстого; усадьба Ивановка, где рождалась музыка С.В. Рахманинова и т. д. Усадьба является одним из характерных образов в русской классике, находит отражение в воспоминаниях русских писателей и мемуаристов. Исследование содержательной структуры образа усадьбы, ее развития и языковых средств создания данного образа на материале художественных текстов русской классики и реминисцентных текстов представляет интерес для истории русской культуры, языкознания, литературоведения, семиотики. В лингвистическом плане интересно выявить исходное значение лексемы *усадьба*, рассмотреть средства номинации и содержательную структуру образа усадьбы, проследить его развитие. В работе исследована русская художественная и мемуарная литература, материалы Национального корпуса русского языка, в которых методом сплошной выборки выявлены описания образа усадьбы.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении содержательной структуры образа усадьбы в русском тексте, языковых средств его создания, а также динамики развития образа.

Цель статьи – выявить содержательную структуру и языковые средства создания образа усадьбы в тексте на материале русской художественной и мемуарной литературы. Задачи исследования: методом сплошной выборки из материалов Национального корпуса русского языка, а также из русской художественной и мемуарной литературы собрать и проанализировать контексты, в которых содержится описание образа усадьбы; выявить значения лексемы *усадьба*, установить ее этимологию; проследить развитие образа усадьбы в русской художественной и мемуарной литературе.

Методы и материал исследования. В работе используется комплексный подход, сочетающий элементы этимологического, структурно-семантического, корпусного и контекстуального методов лингвистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Образ как единица культурного опыта, отраженного в тексте, как мировидение, является одним из центральных предметов исследования для ряда гуманитарных наук – лингвистики, культурологии, литературоведения, семиотики. Образ традиционно рассматривается как наглядное представление о каком-либо явлении, как его мысленный аналог (Н.Д. Арутюнова, Н. Ф. Алефиренко, В. Г. Гак, В. И. Карасик, Н. А. Илюхина, В. А. Маслова, В. Н. Телия, Е. А. Юрина). «В понятии образа обозначилась идея формы, мыслимой отвлеченно от субстанции и потому воспроизводимой» [2, с. 314]. При близости общего понимания образа наблюдается многообразие конкретных трактовок образности в зависимости от того, к какой информации в большей мере апеллирует автор – наглядно-зрительной, культурологической, художественно-образной, языковой, аксиологической и др. Одним из значимых образов русской культурной традиции, заключающих в своем значении эти разные аспекты информации, является образ усадьбы. Образ – единица содержательная; осмыслить, вычленить первичные аспекты содержания образа, основу его смысловой структуры, позволяет комплексный лингвистический анализ – семантический, этимологический, системный, контекстуальный.

Согласно теории образа А. А. Потебни, смысловые константы данного содержательного комплекса высвечиваются этимологическим и сравнительно-историческим анализом при обращении к внутренней форме имени образа, представляющей основу его поэтической формы. «Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» [13, с. 146]. В соответствии с данными Национального корпуса русского языка, слово *усадьба* используется обычно как наименование дореволюционного дворянского поместья. Таково и значение словарной статьи «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова содержит следующее определение: «Усадьба – отдельное поселение, дом на селе со всеми примыкающими к нему строениями, службами и угодьями (садом,

огородом и т. п.), в старину преимущ. господский, помещичий» [20, с. 984]. Корень лексемы *усадьба* является не только общеславянским, но и общеиндоевропейским. Этимологическое значение слова производно от семантики составляющих его морфем: у – «удаление, уединение»; садить – «укоренить на поселение»; ба- суффикс, связанный по значению с индоевропейским корнем *bhu- – «быть, достигать, доходить; земля, мир» (Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь). Таким образом, совокупное значение лексемы *усадьба* определяется как «удаленное место для жизни, укорененного поселения, родовое гнездо».

Слово *усадьба* входит в ряд лексем, которые обозначают место обитания рода: *земельный надел, жилище, именье, поместье, родовое гнездо*. Связь с выражением «родовое гнездо» обусловлена семантикой укорененности. Его смысловая доминанта – идея оседлой, уединенной жизни. Ср. этимологически однокоренные слова: сад, село, поселение. В древнерусском языке: *посад, посадник, посадничество, посадские люди: изяславъ бѣжа в половци. Много воєва около чернигова. И посадъ пожже* [11].

Ранее всего лексема *усадьба* отмечена в текстах старорусского периода, которые доносят до современного читателя устройство, пространственную организацию усадьбы: *А где будет межа рекою или подле реки, и то описывать подлинно, правая ль или левая сторона, вверх или вниз рекою, или по обе стороны реки, – по одну сторону усадьба, а по другую сторону пашня и сенные покосы, и с которых мест до которого урочища, и от реки той меже куда будет поворот, – описывать потому ж на правую сторону или на левую* [8].

Концептуальное ядро понятия «усадьба» сохранилось от древнейшей эпохи неизменным: усадьба – это освоенное и обустроенное для продолжения рода место. Все эти содержательные компоненты, входящие в содержательную структуру слова и передающие понятие «усадьба», как будет показано далее, находят отражение в реминисцентном дискурсе.

Содержательность образа комплексна, она включает в себе представления о разных чувственно воспринимаемых сторонах реального объекта, доминируют зрительные впечатления, но если объект был связан с яркими эмоциональными переживаниями, то значение имеют все аспекты восприятия: не только зрительные, но и слуховые, вкусовые, тактильные. В реминисцентном дискурсе – в воспоминаниях – могут утрачиваться детали образа, но его доминантные признаки при удаленной оптике обычно усиливаются в соответствии с одной из характерных особенностей существования образа. Он «может присутствовать в сознании только при условии удаленности объекта из поля прямого восприятия [2, с. 322].

В мемуарных текстах русских авторов XIX–XX вв. воспоминания о родовом именье, усадьбе типичны. Русский реминисцентный дискурс дает возможность выделить устойчивые характеристики усадьбы и проследить через преобразование образа усадьбы, какое состояние мира отражает образ,

какие смысловые доминанты актуализируются на протяжении минувшего драматического столетия у авторов, ставших выразителями своего времени, как менялось на протяжении минувших столетий представление о порядке вещей. В текстах XIX в. акцентируются: простор усадьбы, ее надежность, хозяйственная обустроенность, ухоженность окружающей территории, налаженный быт, порядок, изобилие, гостеприимство хозяев, сохранение традиционного образа жизни. Рассмотрим эти характерные признаки.

Отражение природных характеристик в образе русской усадьбы. Русская усадьба как удаленное от городской жизни место – это возможность ощущения пространства, простора, раздолья, тех сторон бытия, которые составляют доминанту русской языковой картины мира. Данная характерная черта русской ментальности отражена и в реминисцентном дискурсе при описании «усадебного топоса». Показательны приводимые ниже контексты, лексический состав которых передает *уединенность, раздолье, открытость, воздушность, речной простор, тишину, близость к природе* и под. Так, например, в пору наивысшего творческого подъема, 9 сентября 1830 г., А.С. Пушкин писал из усадьбы Болдино П.А. Плетневу: *«Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов»* [15, с.307].

Близкое настроение и ощущение волнующего, пьянящего степного воздуха передано в описании пространства осенней усадьбы в воспоминаниях князя С.Е. Трубецкого: *«Осенью мы иногда ездили вместе с бабушкой в его огромное екатеринославское имение Хорошее (Павлоградского уезда), больше 20000 гектаров, там я впервые увидел безбрежные русские степи и почувствовал особую прелесть степного воздуха. Нару мы, дети, очень любили, и она была для нас родная. Мне стоит закрыть глаза, и я вижу нас в Наре. Няня открывает шторы и окна, и в нашу комнату врывается ослепительный летний свет и пьянящий утренний воздух»* [19, с. С. 23].

2. Историко-бытовая составляющая образа русской усадьбы. Художественные и реминисцентные тексты дают представление и об историко-бытовой панораме обустройства «образцовой» усадьбы, содержащихся при ней хозяйственных постройках и их назначении. Родовые имения с пейзажами, ландшафтами, благоуханием тенистых уголков часто возникают на страницах произведений классиков русской литературы. Характеристики усадьбы XIX в.: *роскошная, шикарная, обустроенная, крупная, обширная, полноценная, обильный двор, надежная, как крепость, лучшая, с множеством комнат* и др.

Так, А.С. Пушкин, называвший свое имение в Михайловском «скромной семьи обителю», изобразил его внешний вид в «Евгении Онегине»: *Господский дом уединенный, / Горой от ветров огражденный, / Стоял над речкою... / Почтенный замок был построен, / Как замки строятся должны: / Отменно прочен и спокоен / Во вкусе умной старины* [16, с. 36].

А.П. Беляев в сочинении «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном» передает благоустроенность усадьбы графа Разумовского в селе Ершово, многообразие усадебных мастерских, оранжерей, теплиц и других хозяйственных построек: *«Ершовское имение было барское в полном смысле слова; тут было все: и редкие фруктовые деревья в оранжереях, и на берегу реки сад с испанскими вишнями, теплицы, парники, всевозможные мастерские: слесарня, столярная, каретные и ткацкие. Для приезда графа был большой, хотя одноэтажный, дом из двадцати комнат, с богатою мебелью и всеми принадлежностями: флигелями для приезжих, превосходной баней, со всеми приспособлениями при ней, комнатами для отдохновения с диванами, кушетками и дорогими коврами»* [4].

Российский лингвист, историк языка и искусства Ф.И. Буслаев в мемуарах «Мои воспоминания» также показывает надежность построек типичной усадьбы, благолепие сада: *«Наш дом был с мезонином и выходил к набережной палисадником, в котором были разбиты между клумбами цветов дорожки, покрытые песком; вдоль решетчатого забора поднимались невысокие кусты сирени и воздушного жасмина... Дом был каменный, двухэтажный, старинный, с железной наружной дверью и с железными решетками у окон нижнего этажа, как есть крепость»* [6].

Воспоминания княгини И.Д. Голицыной о деде, генерале Н.Д. Татищеве, воссоздают широкий панорамный вид усадьбы с парковой зоной и хозяйственными постройками в Смоленской губернии: *«Это было прекрасное имение, окруженное лесами, с протекавшей недалеко спокойной рекой и хорошо ухоженным парком. Перед главным домом на некотором расстоянии был пруд, а сзади конюшни, дома для работников, коровники и другие хозяйственные постройки. В тенистом прохладном парке бывало очень приятно сидеть в жаркий летний день, а вокруг дома был разбит итальянский сад»* [7].

3. Культурная составляющая образа русской усадьбы

Родовая усадьба – это не просто загородное поместье и прилегающая к нему территория с хозяйственными постройками, но и земля, на которой запечатлены история рода, заведенный порядок жизни. Образ усадьбы в художественной и мемуарной литературе соединяется с представлением о стиле жизни дворянства в XIX веке. Родовая усадьба – это прежде всего место единения с семейными корнями, с родом, место отдохновения, воспитания души. Признаки усадьбы: *старинная, образцовая, изысканная обстановка, радует душу, заведенный порядок жизни, чаепитие на веранде, беседа, рояль, романсы и т.п.*

С.Т. Аксаков в сочинении «Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники» (1858) описывает размеренную жизнь, порядок приема гостей в родовом имении Ново-Аксаково: *«Дом был по-тогдашнему прекрасный, хорошо убран и увешан картинами. <...> В назначенный*

день, часов в десять утра, все в доме было готово для приема гостей: комнаты выметены, вымыты и особенно прибраны; деревенские лакеи, ходившие кое в чем, приодеты и приглажены, а также и вся девицья; тетушка разряжена в лучшее свое платье <...>» [1, с.25].

В 1860 г. Л.Н. Толстой в сочинении «Лето в деревне» в связи с вопросом об освобождении крестьян в своей усадьбе писал: «Без Ясной Поляны, я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его. Хорошо ли, дурно ли, но я не знаю другого чувства родины» [17, с. 262]. Яснополянский пейзаж и свое наслаждение от жизни в Ясной поляне Л.Н. Толстой передал в сцене покоса в романе «Анна Каренина», которая завершается словами: «Это были самые блаженные минуты...» [18, с. 267].

А.П. Чехов радость, блаженство души, переживаемое в родной усадьбе, выразил в «Вишневом саде». В пьесе Любовь Андреевна, глядя в окно на сад, который ассоциируется с райским садом, произносит: «В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мной каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось... Весь, весь белый! О, сад мой! После темной, ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя...» [21, с.62].

Особенно остры воспоминания о поездках в родовые усадьбы в русском эмигрантском реминисцентном дискурсе. Именье Батово, родовое гнездо Набоковых, сгоревшее в 1925 г., Набоков описал в романе «Машенька»: «Старый, зеленовато-серый, деревянный дом, соединенный галереей с флигелем, весело и спокойно глядел цветными глазами своих двух стеклянных веранд на опушку парка и на оранжевый крендель садовых тропинок, огибавших черноземную пестроту куртин. В гостиной, где стояла белая мебель, и на скатерти стола, расшитой розами, лежали мрамористые тома старых журналов, желтый паркет выливался из наклонного зеркала в овальной раме и дагерротипы на стенах слушали, как оживало и звенело белое пианино» [10]. Это же настроение В.В. Набоков передал в поэтической форме: Глаза прикрою – и мгновенно, / весь легкий, звонкий весь, стою / опять в гостиной незабвенной, / в усадьбе, у себя, в раю... [9, с. 41–42].

4. Разрушение исторического образа усадьбы. Изменение образа усадьбы отчетливо обозначается в начале XX в., характеристики усадьбы этого времени: *забытая, заброшенная, разграбленная, разгромленная, обветшавшая, в плачевном состоянии, старая, угрюмая, одинокая, заброшенный парк без хозяев, заросший сад* и под. Тексты А. Белого, В.Я. Брюсова, В.В. Набокова, Б.А. Пильняка, И.А. Бунина воссоздают признаки утраченного порядка. О разрушении прежнего образа жизни говорится в стихотворении «Усадьба» А. Белого: *Поросшие клумбы; / Зброшенный дом. / Дворянских фамилий / Облупленный герб, / И – заросли лилий, / И – заросли верб./ Там ставнею сорванной / Хлопнет окно; / Там жизни оборванной / Темное дно...[3].* Ему

вторят строки брюсовского стиха: «В полях забытые усадьбы / Свой давний дозирают сон... / Дряхлеют парки вековые / С аллеями душистых лип. / Над прудом, где гниют беседки...» [5].

В период революционных преобразований большинство русских дворянских усадеб подверглось разграблению и уничтожению: даже пушкинская усадьба Михайловское, как и соседние Петровское и Тригорское, была сожжена во время революции; современный музейный комплекс создавался к 100-летию поэта. В своем «Дневнике» М.М. Пришвин оставил запись 13 марта 1920 г.: «Мать сожгла последний деревянный стул, все деревянное в доме было сожжено, и даже обеденный и кухонный стол» [14]. Тот же мотив утраченного домашнего мира прослеживается и в повести Б.А. Пильняка «Мать сыра-земля» (1926): «Дом был тот же, но из дома исчезли пироги, и там, где раньше была столовая (вот чтобы эти пироги есть) стояли нары рабочих...» [12]. Не только приведенные, но и многие другие примеры свидетельствуют, как образ усадьбы в историческом процессе трансформировался, изменялся в контексте меняющейся реальности. В последние годы появились признаки возрождения усадьбы, ее постепенного восстановления в новых условиях.

Выводы. Концептуальное ядро образа усадьбы сохранилось от древнейших времен: усадьба – это обособленное место освоенного мира. Этому значению соответствует и образ усадьбы в воспоминаниях русских писателей и мемуаристов. В текстах XIX в. русская усадьба как удаленное от городской жизни место – это возможность ощущения пространства, простора, раздолья, тех сторон бытия, которые составляют доминанту русской языковой картины мира. Тексты этого периода дают представление и об историко-бытовой панораме «образцовой» усадьбы, ее обустроенности и надежности. Родовая усадьба – это не просто загородное имение и прилегающая к нему территория с хозяйственными постройками, это прежде всего место единения с семейными корнями, историей рода, заведенным порядком жизни. Реминисцентный текст позволяет также проследить выраженную языковыми средствами трансформацию образа русской усадьбы на протяжении начала XX столетия, разрушение традиционного идеального образа обителя. В последние годы происходит возрождение усадьбы, ее постепенное восстановление в новых условиях.

Библиографический список

1. Аксаков, С.Т. Детские годы Багрова-внука. Минск: Юнацтва, 1982.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Белый, А. Усадьба. – URL: rustih.ru/andrej-belyj-usadba.
4. Беляев, А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. Часть 1. С.2-dom-knig.com.
5. Брюсов, В.Я. В полях забытые усадьбы – URL: bryusov/v-polyah-zabytye-usadby.html.

6. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания – URL: iknigi.net/avtor-fedor-buslaev/110392-moi-vozpominaniya-fedor-buslaev/read/page-4.html.
7. Голицына, И.Д. Воспоминания о России (1900–1932) / Пер. с англ. Т. И. Голицыной, О.А. Несмеяновой; предисл. А.М. Хитрова. М.: Айрис-пресс, 2005. – URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1449>.
8. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. Доклад Поместного приказа о составлении наказа писцам (1682–1683) // Национальный корпус русского языка.
9. Набоков, В.В. Стихотворения. Л.: Художественная литература, 1990.
10. Набоков, В.В. Машенька. – URL: dom-knig.com/read_339519-11.
11. Новгородская 1-я летопись. Синодальный список // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.: Л., 1950. С. 15–100.
12. Пильняк, Б.А. Мать сыра-земля. – URL: litmir.me/br/?b=67155&p=11.
13. Потемкина, А.Е. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
14. Пришвин, М.М. – URL: rulit.me/books/dnevnik-1920-1922-read-207672-6.html.
15. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т.10.
16. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т.5.
17. Толстой, Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1935. Т.5.
18. Толстой, Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Художественная литература, 1934. Т.18.
19. Трубецкой, С.Е. Минувшее / Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой; предисл. Н.А. Руднева. М.: ДЭМ, 1991.
20. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь в четырех томах. Т.4. С-Ящурный. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940.
21. Чехов, А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1978. Т.13.

УДК 811.161.1'42'371'373.6:366.46

**СОСТАВ, СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ
(на материале «Словаря русского языка коронавирусной эпохи»)**

В.И. Коваль

г. Гомель, Республика Беларусь

В статье анализируются фразеологические единицы, отражающие мировоззрение носителей русского языка, которое сформировалось под влиянием эпохи коронавируса, начавшейся в 2019 году. С применением методов объяснительного описания и систематизации рас-